

Мясницкий Иван Ильич

**Юмористические шалости.
Рассказы И.И. Мясницкого**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-311.8
ББК 84-4
И17

И17 **Иван Ильич М.**
Юмористические шалости. Рассказы И.И. Мясницкого / Мясницкий Иван Ильич – М.:
Книга по Требованию, 2023. – 324 с.

ISBN 978-5-519-98457-7

ISBN 978-5-519-98457-7

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

съ потрясающею разстановкой: «Такъ вы ея не знаете?»

Я не выдержалъ этого ледовито-ядовитого взгляда и опустилъ глаза.

— Ахъ, вы опускаете глазки! Совѣсть не чиста, значить! Извергъ!

— Клянусь же тебѣ...

— Уйдите, вы мнѣ противны! Уйдите, я вамъ говорю!

Она такъ затопала ножками, что вся мебель заходила ходуномъ, портретъ же ея мамы, а моею любезнѣйшей тещи, качался на стѣнѣ, какъ маятникъ.

Я удалился въ свой кабинетъ, схватилъ первую попавшуюся подъ руку газету и углубился въ чтеніе. Въ полчаса газета была кончена, но если бѣ кто-нибудь меня спросилъ, что я прочиталъ, я затруднился бы отвѣтить, такъ какъ въ моей головѣ клиномъ, очень острымъ и болѣзненнымъ клиномъ, засѣла Пузырькова. Пузырькова, Пузырькова, Пузырькова!

Что мнѣ говорить имя Раисы Пузырьковой? Ровно ничего, а между тѣмъ, я слышу въ сосѣдней комнатѣ рыданія моей жены.

— Другъ мой! Ты плачешь, — говорю я, выходя къ женѣ съ убитымъ видомъ.

— Плачу, но успокойтесь, — презрительно отвѣчаетъ она, — я плачу отъ злости на самое себя! Такъ вы не знаете Пузырьковой? Нѣтъ?

— Нѣтъ, не знаю. Клянусь тебѣ моимъ

последнимъ вздохомъ, который неизвѣстно когда будетъ, что не знаю Раисы Пузырьковой.

— Вы нахаль и лжець! Истина очевидна, а ваше запирательство ведетъ только къ тому, что я вамъ больше не вѣрю. Не вѣрю, не вѣрю и не вѣрю. Уйдите! Убирайтесь къ своей Раисѣ Пузырьковой и не смѣйте ко мнѣ подходить! Слышите? Вонъ!

— Другъ мой!

— Я вамъ не другъ. Вонъ, извергъ, вонъ! И снова отчаянный топотъ ножками, снова пляска мебели и укоризненное покачиваніе изъ стороны въ сторону портрета моей милой тещи.

День испорченъ.

Ложусь на диванъ и вижу на потолкѣ паутину. Вскакиваю моментально, подобно резиновому мячику, и разношу на весь домъ прислугу.

— Помилуйте, такое свинство! До чего распущена наша прислуга, другъ мой,—заговариваю съ женой, — куда смотреть нынче прислуга? А?

Жена даже и не смотритъ на меня. Она сидитъ у окна, смотритъ вдаль и думаетъ... о чемъ она думаетъ? Ну, конечно, объ этой... о Раисѣ Пузырьковой!..

— Другъ мой...

— Убирайтесь вонъ!—отчеканиваетъ она, не поворачивая головы.

Со мной дѣлается нервная дрожь. Залпомъ

выпиваю стаканъ воды, накидываю на плечи пальто и выхожу на улицу.

На улицѣ жизнь кипитъ, какъ въ котлѣ. Идутъ, ѣдутъ, смѣются, разговариваютъ... У всѣхъ свое дѣло, свои интересы, а у меня въ головѣ гвоздемъ сидитъ Пузырькова!..

Брожу безцѣльно по улицамъ, возвращаюсь домой и застаю у жены пріятельницу. Присаживаюсь, начинаю разговоръ, мнѣ еле отвѣчаютъ. Ретируюсь въ кабинетъ. Но вотъ и обѣдъ.

Обѣдъ, разумѣется, проходитъ въ убійственномъ молчаніи. Гремятъ ложки, стучать ножи съ вилками и — только. Я ненавижу молчаніе, какъ ненавижу абсолютную тишину. Спрашиваю у жены: «почемъ филей?»

Она медленно поднимаетъ на меня глаза, медленно пережевываетъ кусокъ филея и медленно отвѣчаетъ:

— А развѣ вы... не покупали филей для этой... вашей... Райсы Пузырьковой?

Бросаю ножикъ съ вилкой, выскакиваю изъ-за стола и выкуриваю подрядъ десять папиросъ!

Горько во рту, а на душѣ такъ скверно, что готовъ или провалиться сквозь землю, или баллотироваться съ отчаянія въ городскіе головы.

Сижу до вечера, облокотясь на столъ, и тщетно стараюсь вызвать въ памяти образъ злосчастной Райсы Пузырьковой.

— «То-есть никакого даже профиля!»—

какъ сказалъ про невѣсту послѣ смотринъ одинъ купеческій сынокъ.

— Аннушка, это ты?—спрашиваю я у горничной,—что тебѣ надо?

— Барыня приказала вамъ спать въ кабинетѣ-съ.

— Приказала! Какъ это глупо!

— Не могу знать-съ, дѣло ихнее: постелить прикажете-съ?

— Убирайся вонъ!

Ложусь, не раздѣваясь, на диванъ и засыпаю только подъ утро. Встаю съ головной болью и въ самомъ наикислѣйшемъ расположеніи духа.

Я чувствую, что мое душевное равновѣсіе нарушено и покой потрясенъ до основанія.

За утреннимъ чаемъ нахожу жену.

Въ глазахъ лихорадочный блескъ, на углахъ губъ застыла презрительная усмѣшка.

— Какъ почивали?—спрашиваетъ она металлически звенящимъ голосомъ,—видѣли ли во снѣ Раису Пузырькову?

— Другъ мой, ради Бога, не терзай меня!..

— А вы не терзаете меня? Вы, который на глазахъ жены получаете визитныя карточки.

— Клянусь, я ее не знаю.

— За то я узнаю, кто она такая... О, будьте покойны, я узнаю все... все... и все!

Я чувствую, какъ меня начинаетъ дергать. Мнѣ хочется отвѣтить грубо, дерзко, но я

сдерживаю себя и, раздавивъ въ рукахъ стаканъ, ухожу изъ дома.

Къ вечеру возвращаюсь домой и застаю—тещу. У жены заплаканы глаза, у тещи дрожатъ губы не то отъ жалости къ дочери, не то отъ ярости къ зятю. По спинѣ у меня бѣгутъ холодныя мурашки, а мои нервы задаютъ самага отчаяннаго трепака.

— А, это вы, пожимая плечами, говоритъ теща, — очень кстати: мнѣ нужно съ вами поговорить... Идите въ кабинетъ!

— Но...

— Идите въ кабинетъ!—кричатъ въ одинъ голосъ жена и теща.

Теща садится рядомъ со мной. Прежде, чѣмъ начать говорить, она начинаетъ пыхтѣть и, такъ сказать, подогрѣвать себя къ объясненію.

— Вы, кажется, хотѣли говорить со мною?—начинаю я страдальческимъ голосомъ.

— И онъ еще спрашиваетъ!—вспыхиваетъ порохомъ теща,—онъ, который такъ нагло, такъ подло и такъ безсовѣстно насмѣялся надъ любовью моею дочери! Милостивый государь, я васъ считала за порядочнаго человека.

— Позвольте!

— Молчать! Вы... негодяй! вы... извергъ! вы... распутникъ! Не запирайтесь: я знаю все! Что же вы молчите?

— Да вы же не даете мнѣ говорить! Что вы знаете? Что-съ? Что я получилъ карточ-

ку неизвѣстно отъ кого? Что моя жена, умная женщина, и вы... вы тоже умная женщина... выводите изъ этого чортъ знаетъ какое заключеніе...

— Да, выводимъ, потому что мы—мы умныя женщины, а вы... вы... рѣдкій дуракъ!

— Что-о-о?

— Дуракъ!

— Сію минуту вонъ изъ моего кабинета! Я не желаю съ вами объясняться!.. — кричу я въ бѣшенствѣ, колотя по столу и опрокидывая чернильницу. — Что онѣ со мной дѣлаютъ! Что онѣ со мной дѣлаютъ!

Выпилъ залпомъ чуть не пузырекъ валерьянки и опускаюсь совершенно разбитымъ въ кресло, какъ Марій на развалины своего благополучія. Скрипитъ дверь... повертываюсь—братецъ жены.

— Сержъ! Другъ мой,—говоритъ онъ, сочувственно пожимая мнѣ руку, — тебя травятъ, и я тебѣ сочувствую, но все-таки, тѣмъ не менѣе, ты глупъ...

— И ты, Брутъ?

— Просто дуракъ! Извини меня, другъ мой, но это такъ. Я понимаю тебя: всѣ мы люди, всѣ человѣки... ну, увлекся... пошалилъ...

— Я пошалилъ? Да ты угорѣлъ, любезный другъ...

— Ну, отъ меня, братъ, скрывать глупо... знаю, все знаю... хе-хе-хе... Ахъ, Сержъ,

Сержъ... Какъ ты глупъ, другъ мой... хе-хе-хе.

— И ты вѣришь этому?

— А то нѣтъ? Ха-ха-ха! Вотъ нашелъ простака! Да это же ясно, какъ дважды-два—четыре... визитная карточка и отъ особы, которую совсѣмъ не знаетъ твоя жена.

— Представь, и я тоже ея не знаю! — кричу я внѣ себя.

— Ха-ха-ха! Нашелъ простака тебѣ повѣрить... ну, признайся: кто она?

Стиснувъ зубы и сжавъ кулаки, я лечу, какъ сумасшедшій, въ переднюю, надѣваю торопливо пальто и выскакиваю на улицу.

— Къ Раисѣ Пузырьковой!—летитъ мнѣ вслѣдъ сардоническій смѣхъ жены и тещи.

Я беру извозчика и ѣду къ пріятелю. Хорошій человѣкъ, хотя и очень несчастный; былъ женатъ цѣлыхъ три раза; къ счастью, всѣ три жены умерли, но за то, къ несчастью, всѣ три тещи остались въ живыхъ! Какъ онъ самъ живъ до сихъ поръ, я и понять не могу. Обтерпѣлся!

— Что съ тобой?—спрашиваетъ, — ты на человѣка не похожъ.

Разсказалъ ему про шишки, которыя обрушились на бѣднаго Макара, и попросилъ совѣта.

Пріятель задумался.

— Видишь ли, — проговорилъ онъ, наконецъ, съ жалостью посматривая на меня, — моя женатая практика выработала очень по-

лезную тактику: своихъ женъ я побивалъ ихъ же собственнымъ оружіемъ. Попробуй и ты такъ поступать.

— То-есть?

— То-есть... ну, вотъ, напрімѣръ, ты получилъ визитную карточку отъ женщины, которую, если вѣрить твоимъ словамъ, ты совсѣмъ не знаешь...

— Клянусь моею лысиной!

— Хорошо, я вѣрю, но это не важно, важно то, что жена тебѣ не вѣритъ и, выводя изъ этого ничего незначущаго факта различныя заключенія, производитъ въ домѣ семейную революцію. Сдѣлай и ты то же: возьми у меня визитную карточку незнакомаго тебѣ лица,—ихъ много у меня лежитъ въ вазочкѣ,—положи въ конвертъ, надпиши на немъ адресъ твоей жены и пошли ей въ Новый годъ.

— А затѣмъ?

— А затѣмъ можешь спросить у жены, кто такой это господинъ, который имѣлъ ей честь прислать карточку... Она, навѣрное, скажетъ, что такого не знаетъ, а такъ какъ и ты не знаешь Пузырьковой, которая произвела у тебя такой кавардакъ въ домѣ, то и...

— Остальное понятно! Другъ, какъ мнѣ благодарить тебя! Я чувствую, какъ я оживаю и какъ мои бѣдные нервы, истерзанные за эти дни, начинаютъ успокоиваться.

Я выхватилъ изъ вазочки пріятеля кар-

точку какого-то господина Невзорова, заклеилъ ее въ конвертъ на-глухо, чтобы не выпала, наклеилъ на конвертъ марку и спряталъ въ карманъ.

Завтра вечеромъ, думалъ я, возвращаясь домой отъ пріятеля, я опущу эту карточку въ почтовый ящикъ, а послѣ завтра мы поговоримъ. Возвратясь домой, принимаю равнодушно шпильки жены и булавки тещи, и засыпаю, такъ что просыпаюсь на другой день къ завтраку.

Послѣ обѣда я опустилъ письмо въ ящикъ и предложилъ женѣ встрѣтить Новый годъ «вмѣстѣ».

— Со мной? Почему же не съ этой... какъ ее... Раисой Пузырьковой? — спросила она, обдавая меня хлосомъ.

— Да просто потому, что я ее не знаю, другъ мой, — кротко отвѣтилъ я.

— Ахъ, вы ее не знаете! Ну, такъ и я васъ не знаю!

— «Врешь, завтра же узнаешь, — подумалъ я, улыбаясь торжественно, — я тебя, милый другъ, огорошу Невзоровымъ».

Всю ночь мнѣ снилась карточка Невзорова и моя жена, которая съ вытянутымъ отъ испуга лицомъ читала эту карточку и просила у меня прощенія.

Какъ сейчасъ помню: мы сидѣли за чаемъ, когда почтальонъ принесъ визитныя карточки. Горничная передала мнѣ цѣлую пач-

ку. Я молча отобралъ свои и — передалъ женѣ единственную карточку Невзорова.

— Это вамъ,—сказалъ я спокойно,—и почеркъ совсѣмъ незнакомый.

Она съ недоумѣніемъ разорвала конвертъ, вынула неспѣша карточку, прочитала ее и улыбнулась.

— Простите за нескромный вопросъ,—съ дьявольскою улыбкой нагнулся я къ женѣ,—отъ кого вы получили карточку?

— Отъ Невзорова.

— Отъ Невзорова!—сдвинулъ я брови,—странно! Въ первый разъ слышу такую фамилію!

— И не мудрено,—совершенно спокойно отвѣтила жена, устремляя на меня ледовитый взглядъ.—Это мужъ моей пансіонской подруги Кати, а живутъ они въ Одессѣ: откуда же вы его можете знать?

— Но позвольте, изъ Одессы письма съ городскими марками не ходятъ.

— Pardon, иногородняя! — поднесла она къ самому моему носу конвертъ.

Ахъ, я дуракъ, дуракъ! Можешь себѣ представить: второпяхъ, я вмѣсто городской-то иногороднюю марку на конвертъ наклеилъ!

Я превратился въ статую попавшаго впро�акъ осла, а жена, обдавая меня леденящимъ взглядомъ, произнесла, съ убійственнымъ спокойствіемъ: